

Первая взятка

Alexander Kaplan (Александр Каплан)
Johns Hopkins University, Baltimore, MD, 21218, USA
alexander.kaplan@jhu.edu

Уже много позже понял Саня, что никакая это не была взятка; всего лишь человечески-простая плата за услугу такому же как и он ничего не имеющему человеку. Вне дома с детства он слышал про стройные ряды строителей будущего, и там этому не было места. Однако он видел как мать тихо платила людям за то и за это; называлось это «поблагодарить», и отец к этому относился презрительно, и сам никогда не делал, да и не знал как; идейный был.

Ну ладно, дело было так. Саня кончил школу и приехал поступать в институт; был 1955 год. Жили они тогда в нефте-перерабатывающем городке, Новокуйбышевске, недалеко от Волги, а институт был в Москве, Московский Физико-Технический, только становившийся знаменитым Физтех. Весь городок пропах запахом сырого фарша – так пахла нефть на местном заводе, но этот запах потом напоминал ему первую любовь; так уж память устроена... Прожила его семья там к этому моменту меньше года; отец был военный инженер, его переводили с места на место, и Саня успел до этого проучиться во многих школах. Ему это не мешало; поощряемый отцом, к 10-му классу он изучил физику и математику за пределами 2-курса университета, взрывал самодельный порох на пустырях (ну, это не поощрялось, конечно, но уличный авторитет был велик), строил приемники, закалял сталь в самодельных плавильных печах и устраивал электрические дуги даже под водой, сделал электро-искровку, и т.д. Он был уже хороший слесарь и столяр, и при последних двух переездах один обеспечил разборку и сборку всей нехитрой мебели семьи, и построил стелаж и рабочий стол для отца, за что и был награжден деньгами. Деньги он никуда не потратил, и использовал потом их все для поступления в институт.

На новом месте быстро выяснилось, что он лучший ученик среди всех трех школ городка. Значения это для него не имело, кроме того что его представили на медаль. Почти во всех вузах медаль обеспечивала зачисление без экзаменов; но оказалось, что на Физтехе с медалью надо сдавать 4 экзамена (2 по физике и 2 по математике), вместо 7-ми для не-медалистов -- всё же облегчение. Проблема была, что в провинции оформление шло медленно, документы отправлялись в район, затем в область, и медаль приходила, если выдавалась, к 1-му августу, день начала приёмных экзаменов по всему Союзу. Физтех же единственный в стране начинал экзамены 1-го июля. На выпускном вечере в школе вместо аттестата Сане выдали справку, маленькую самодельную бумажку с печатью школы, что его документы посланы на медаль. Получив её, спустя полчаса после начала вечера, он прихватил свой фибровый чемоданчик, который приготовил загодя и принёс в школу, и ушёл. Он должен был попасть на вокзал и захватить вечерний поезд на Москву. Провожать его пошла его первая любовь, рыжая и

очень красивая -- на его взгляд -- украинка учившаяся в одном с ним классе. Любовь была односторонняя, Саня это знал, хотя ей повидимому льстило чувство первого ученика. Санька еще даже не знал как подступаться к девушкам, и это тоже не помогало в естественном развитии событий. Но она пожертвовала частью выпускного вечера для него; Саня оценил это. Несмотря на то что ничего между ними не было, его чувства оказались известны в школе, и его родители пошли на решительный шаг, чтобы остановить предполагаемые отношения. Хоть и застенчивый с девушками -- это всё изменилось потом -- Санька был вспыльчив и решителен -- было от отца, наверно; узнав о действиях родителей, он ушёл из дому за пару недель до выпускных экзаменов, и ночевал в маленьких хибарах-дачах или у приятелях, чем жутко смущал их родителей.

Уехал он в Москву, так и не попрощавшись с родителями; дурак был, конечно. На вокзал он поспел вовремя. Поезд остановился на две минуты, и здесь Саня первый -- и последний -- раз поцеловал свою любовь, прежде чем войти в вагон. «На каждой из маленьких станций свой дождь и своя весна, и та привокзальная площадь, куда ты тогда не пришла...» Но вот, она пришла, и Санька был благодарен. Билет у него был куплен заранее, без плацкарты. Он забрался на третью полку, и поставив чемоданчик за голову, долго не спал под стук колёс.

Поезд пришёл на Казанский вокзал; здесь Саня нырнул в метро -- маршрут он изучил заранее, и вынырнул на Новослободской, где сел на автобус и доехал до Савёловского вокзала; оттуда паровичок довёз его до Долгопрудной. Санька дотопал до института, нашёл приёмную комиссию и отстоял длиннющую очередь, чтобы подать свои документы. Сидящая за стойкой женщина с усталым безразличным лицом с удивлением воззрилась на его справку. «Мальчик, это что такое?!» Санька объяснил как мог, но это не помогло. «Да я в жизнь таких бумажек не видела», отрезала женщина, «иди мальчик отсюда, и если хочешь, возвращайся с настоящим документом. Или поступай в августе в любой другой институт». Сзади напирала очередь, а спереди дама кидала ему в лицо его справку. Вцепившись в стойку руками, Санька застрочил, «я сюда хочу; посоветуйте мне что-нибудь». Она задумалась на секунду; всё-таки мальчишка, издали... «Иди на почтамт, пошли телеграмму домой, пусть тебе из школы пришлют самый обыкновенный аттестат, не медальный, но сразу. Будешь сдавать как все. Следующий!» Что ж, это был совет, можно было что-то делать.

Санька потопал обратно. В паровичке он узнал что главпочтамт расположен на Кировской и сразу направился туда. Там он отправил телеграмму директору школы, с обратным адресом на главпочтамт, до востребования. Теперь надо ожидать ответа, когда -- неизвестно. А пока надо было поесть -- он не ел весь день -- и найти где спать. Он поехал на единственное место, слегка ему уже знакомое -- Казанский вокзал. Там он купил в буфете засохший бутерброд, и понял что так дальше не пойдёт, денег не хватит; а с ночлегом было проще. В огромном зале ожидания было много скамеек. Был уже поздний вечер, и он не смог уже найти на лавке места достаточно чтобы лечь, но смог сесть. Пристегнув

чемоданчик поясом, чтоб не украли, он заснул. В 5 утра прошёл милиционер, и всех будил. Сидеть было можно, но лежать или спать -- нельзя. Санька пошёл в вокзальный туалет оправиться и помыться. Дух этого сортирного предбанника ада ударил его как пушечное ядро; но что-ж, и это тоже... Побрившись и почистив зубы, он сдал чемоданчик в камеру хранения, и налегке поехал на почтампт – а вдруг директор послал телеграмму с подтверждением? С того дня он приходил на почтампт два раза каждый день; девицы в окошке на «К» уже знали его, и издали махали рукой, «нет тебе ещё ничего». Они были добрые девушки, и одна пыталась даже подсовывать ему бутербоды. Но он был гордый, и бутерброды не брал. Много позже, уже после института, он с ней познакомился поближе. А тогда, проблему с едой он решил просто: ввиду непредвиденной задержки, он покупал батон хлеба и пачку кускового сахара, а кипяток был на вокзале. Алюминевые кружка и ложка были у него с собой, в чемоданчике.

Санька пытался найти подработку, но Москвы он не знал, а вблизи трёх вокзалов подработки были, но какие-то странные и опасные. Опять же, никого не интересовал человек, который в каждый момент мог «свалить». Санька решил, что уж лучше он сосредоточится на том для чего приехал и продолжит готовится к экзаменам, хоть и на хлебе. Сидя на вокзале со своим чемоданчиком, он погружался в свои книги/задачники Делоне и Житомирского, Куранта и Робинса, и братьев Яглом. Для решений ему часто не нужна была бумага; он давно научился строить в уме сложные геометрические и алгебраические конструкции, физические схемы и диаграммы. Для точных вычислений в чемоданчике у него была трофейная немецкая логарифмическая линейка, давно подаренная отцом-инженером, который прошёл всю войну как минёр и сапер.

А вокруг него жил и пульсировал Казанский вокзал. Он был всегда забит; хоть поезда приходили и уходили, казалось, что многие жили здесь подолгу. Нищая и голодная Россия перетекала через вокзал из одного дальнего края в другой... Здесь были все: и переселенцы из Тамбовщины в Сибирь, и цыганский табор, и строй-бригады, и пьяные матросы, и выпущенные зэки... Профессиональные попрошайки тянули свои песни про «внебрачного сына графа Толстого» (не оттуда ли пошла присказка «казанский сирота»?), а русые женщины-переселенцы, мадонны Казанского вокзала, сидя на полу, кормили детей грудью. Глаза мадонн плыли в воздухе как на иконе; когда Санька вспоминал их позже, ему хотелось плакать. Малыши чуть постарше топали босиком на рахитичных ножках между лавок; иногда они останавливались около Саньки, и молча смотрели на него. Он делился с ними хлебом; они так же молча брали хлеб и несли его матери.

Время шло; Санька ждал, и начал отчаиваться. Но вот, на 10-ый день, девушка из «К» окошка на почтампте отчаянно замахала руками, увидев его: пришёл твой пакет! Там был его диплом; все отметки «пятерки», но это был «обычный», немедальный диплом. Директор школы был алкаш, но хороший человек; он сделал всё что мог. Девушка в окошке удержала его: «что там? хорошая новость?».

«Хорошая», ответил Санька чуть не плача от радости, «дай ладошку». Он взял протянутую через окошко ладошку и поцеловал её; он только начинал учиться быть благодарным.

Он снова проделал весь путь в Долгопрудную, на Физтех. И снова простоял в длинющей очереди, и когда его очередь дошла, протянул свой диплом через стойку. Другая дама с уставшим и безразличным лицом, едва взглянув на него, сказала, «Мальчик, у нас общежитие для иногородних переполнено, мы принимаем документы только от москвичей...». Пузыри потрясённых слов вырвались из Санькина рта, и женщине надоело его слушать. Она сказала ему, «А иди ты ... в общежитие, принеси справку от коменданта, что у него есть место для тебя. Тогда посмотрим.» Не понимал Санька ещё, что посылают его ... куда подальше, «отмазывают». Но делать было нечего, он повернулся и затопал в указанном направлении.

«Общежитие» для поступающих оказалось местной школой, пятиэтажкой, пустовавшей на лето, в которую навалом поселяли абитуриентов на время быстротечных экзаменов. Войдя в неё, Санька понял, что дама в приемной комиссии не вралась насчёт переполненности. В классах стояли кровати с панцирными сетками и матрацами, они были все заняты. Матрацы лежали и на полу в классах между кроватями, и тоже были все заняты. Во всех коридорах на всех этажах также лежали матрацы вдоль всей стены, с людьми на них. Последние матрацы лежали у самых туалетов, и на них тоже лежали или сидели люди. Запах, особенно у туалетов, мало отличался от Казанского вокзала.

Санька спросил у первого же человека, где найти коменданта. «Комендант? Какой комендант?!» Никто про такого не знал. Наконец, один из ребят вспомнил: «Подожди-ка; коменданта не знаю, но есть мужичок один, с красным носом, алкаш такой; он вроде истопника здесь, и матрацы раздаёт... Может он тебе и нужен? Поищи его в подвале...» Подвал так подвал; Санька затопал туда. Побродив по тёмным склепообразным проходам с бетонными стенами, Санька наткнулся на комнатку с голой лампочкой на закрученном проводе. Внутри у стола сидел таки мужичок с сизым носом, а перед ним лежали полбуханки черного хлеба, соль, зеленый лук, большой помидор, и стояла кружка с чаем. Шикарный обед; у Саньки слюнки потекли.

«Чего надо?» осведомился мужичок, пережёвывая еду. Санька объяснил. «Да нету там местов», сморщился мужичонок; «вот погоди, доем, покажу тебе». Что-ж, его не гнали ещё, надежда есть; Санька присел у стенки за углом, чтоб не досаждать, и стал ждать. Доев, мужичок вышел к Саньке, вытирая руки об брюки, и махнул рукой – иди за мной. Они поднялись на первый этаж, и мужичок показал ему то, что он уже видел. «Нету местов», повторил мужичок. Всё, Санька уперся в бетонную стенку. Он медленно повернулся, и пошёл через какой-то пустой узкий коридорчик к выходу, но мужичок остановил его. Взяв Саньку за рукав его куцега пиджачка, и заглядывая ему в глаза, он повторил, «Вишь, я те правду говорил, нету местов...»

От этого взгляда и слов мужичка что-то щелкнуло у Сани в голове, и то ли

генетическая память, то ли то что он видел как это делала мать, подсказали ему что делать. Он буркнул тихо мужичку, «погоди маленько», и начал расстёгивать свои штаны. Там, на левом переднем кармане с внутренней стороны, был внутренний кармашек, топорно пришитый им самим белыми нитками (какие были) к чёрной ткани кармана штанов. В кармашке лежали паспорт и все его деньги. Мужичок с интересом следил за Санькиными действиями. Санька вытащил паспорт, немного банкнотов, отсчитал на глазах мужичка 30 рублей, и заложил их в паспорт. Это была цена пол-литровой бутылки водки, с небольшим запасом, как раз на закуску – плавлёный сырок. Протянув паспорт с деньгами мужичку, он сказал прерывающимся голосом, «тут моя фамилия; напиши мне справку про место для меня, пожалуйста...» Мужичок ничуть не удивился; радостно засунув деньги в карман, и порывшись в пиджаке, он нашёл клочок бумаги и чернильный карандаш. Помусолив карандаш, он написал безграмотную записку о том, что есть у него матрац для Саньки. (Потом Санька понял, что хитер мужичок, и ничем не рисковал; матрацы у него были, кто спорит, а про место он не написал...) Но получил Санька по крайней мере что-то, и зашагал обратно в приёмную комиссию. Из своего небольшого опыта он уже понимал, что его проблемы вряд ли кончились, но он должен идти, пытаться, делать...

Опять очередь; достоявшись, протянул Санька свой аттестат – и справку от «коменданта». «Это что за бумажка такая?!», вскричала очередная дама; «что это за «комендант» такой?! не бывает справок таких!!!»... Что-то лопнуло от гнева в голове у Саньки; взрыв бессвязных яростных криков вырвался наружу: медаль – справка -- телеграмма – почтампт – вокзал – аттестат – чиновница – матрацы... Он в ярости тряс стойку; что-то уже трещало; и тут он неожиданно увидел проходящую через комнату даму, которая послала его за «справкой от коменданта». Протянув в её сторону руку, он закричал, «это она меня послала, это она!...» Дальше всё было как в тумане; он ничего уже не запомнил. Пришёл в себя Санька только на улице, и в руках его было направление в «общежитие», ещё одна, но уже кажется законная справка; и он был принят к сдаче экзаменов...

Посидев и успокоившись, он вернулся в «общежитие» и нашел того же мужичка. Тот удивился увидев Саньку -- знал, собака, что написал «филькину грамоту», но и обрадовался, «ну, ты жох, паря!». Он выдал Саньке матрац, подушку, и зеленое затертое солдатское одеяло. Простыни и полотенца давно кончились или были разворованы, да по Саньке и так было роскошно. Он постелил свои матрац рядом с туалетом, и люди перешагивали через него, когда ходили туда. Продолжалось это недолго, однако; каждый экзамен разреживал ряды абитуриентов как многопушечный залп. После первого «залпа», переехал Санька в середину коридора, потом въехал в класс, потом забрался на кровать. А после последнего экзамена, он оказался один в классе; к нему зашел парень из соседнего класса, и нервно озираясь, спросил не может ли он переехать в «Санькин» класс – ему было страшновато ночью одному в «его» классе...

Санька сдал все семь экзаменов на «пять»; так сдал ещё только один

абитуриент из не-медалистов; они оба оказались потом зачислены в одну и ту же группу. Всего в тот год приехали сдавать экзамены больше 5500 человек; принято было 206. После экзаменов было ещё и «собеседование»; ну, это всё отдельная история. После того как Санька узнал, что принят, он собрал свой фибровый чемоданчик, и купив в первый раз колбасы, чтобы отпраздновать, собрался обратно. Выходя из пустой уже школы-общежития, он наткнулся на знакомого мужичка-«коменданта», который со щёткой в руках прибирал около туалета. Мужичок узнал его; Санька остановился, чтобы попрощаться и поблагодарить, пусть и за «филькину грамоту». Тот ведь был взрослый и, хоть и алкаш, видать немного понимал в людях; он видел тогда что Санька первый раз давал «взятку». Подняв к нему лицо, мужичок приободрил Саньку: «Слышь, паря, ты всё правильно сделал тогда; не тушуйся. Ты далеко пойдешь.»

Попрощавшись, Санька вышел в слепящий свет июльского дня. Ему далеко надо было идти. Цели и проблемы вставали из марева одна за другой, и он уже знал, что легко никогда не будет. Он кончил Физтех, затем была работа, аспирантура, и снова работа, а в промежутках много чего случилось; он делал свою науку, и был диссидентом, строил коровники в деревнях по России и порт в Находке, и много чего ещё... Потом он уехал в Америку, и занимался там наукой, и опять же многим чем ещё... Он всё шёл, пока не стало прорезаться, что цель может одна только и есть: просто всегда идти, идти к горизонту. А свою первую «взятку» и того мужичка он иногда вспоминал – всегда с улыбкой...